

АГЕНТ
СОВЕТСКОГО СОЮЗА

СУПЕРГЕРОЙ ПО-РУССКИ

Андрей Болонов

ДВОЙНОЕ СЕРДЦЕ
агента

Москва 2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б79

Иллюстрация на обложке *Максима Костенко*

Болонов, Андрей.

Б79 Двойное сердце агента / Андрей Болонов. — Москва : Эксмо, 2024. — 448 с. — (Агент Советского Союза. Супергерой по-русски).

ISBN 978-5-04-204748-0

Май 1960 года, самый разгар холодной войны и космической гонки.

США пробуждают своего «спящего» агента под кодовым именем Томас, который должен помешать СССР первым в истории запустить человека в космос.

Мир, балансирующий на грани ядерного апокалипсиса, нуждается в герое.

Советский Союз берет на себя отчаянную миссию — отправить лучшего контрразведчика в логово врага.

Вычислить, обезвредить засекреченного агента и предотвратить коварный план США поручено опытному агенту Петру Олейникову.

Но может ли спасти страну человек, сердце и чувства которого разбиты вдребезги?

Перед Олейниковым встает сложнейший выбор между любовью всей его жизни и служением Родине. Если наш русский Бонд попадет в ловушку, то шанса избежать апокалипсиса у планеты не останется...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Корявов Д., 2024

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-204748-0

Все события, персонажи,
названия в настоящем киноромане
вымышленные, а любые совпадения
с реальными случайны

— Хочу сразу ответить тем, кто здесь «укает»! Вы, господа, «укайте», да оглядывайтесь. Мы вас не доби́ли под Сталинградом, на Украине, в Белоруссии... и если вы будете еще «укать» против нас и будете опять готовить нападение, мы вас так «укнем», что больше не будете «укать»! — рвался из телевизора раскатистым громом голос Хрущева.

И хотя в это майское утро 1960 года сам Никита Сергеевич находился за тысячи километров от Белого дома, на пресс-конференции в Париже, президент США Дуайт Эйзенхауэр непроизвольно поежился, глядя на кряжистые кулаки своего советского коллеги, которыми тот после каждой истерично-рубленой фразы колотил по трибуне, словно забивая гвозди.

Эйзенхауэр не выдержал, щелкнул тумблером телевизора, и угрожающий хрущевский лик в мгновение схлопнулся в маленькую яркую точку. Экран погас.

— Вы говорили, что у русских нет истребителей, которые способны подняться на такую высоту, — сказал с раздражением Эйзенхауэр, повернувшись к Аллену Даллесу, шефу Центрального разведывательного управления.

— Я в этом уверен на сто процентов. — Даллес встал и протянул президенту несколько листов, испещренных цифрами. — Вот последние тактико-технические данные истребительной авиации русских...

Эйзенхауэр взял листки, не глядя отложил их в сторону и, просверлив колючим взглядом руководителя ЦРУ, спросил:

— Тогда как же им удалось сбить наш самолет-разведчик?

Конечно, перед встречей с президентом Даллес проигрывал предстоящий разговор в голове, и у него, как у опытного дипломата и разведчика, были заготовлены все необходимые ответы, но сейчас он почему-то растерялся. Всегда сложно признаваться в собственных просчетах.

— Таких истребителей у них действительно нет... — еле слышно прозвучал из глубины кабинета голос еще одного посетителя — сухопарого, стриженного под «бобрик» старичка в генеральской форме с непроницаемым взглядом серых глаз из-под массивных роговых очков. Генерал Холгер Тоффрой, начальник разведывательного центра «Форт Фелисити», был куратором всех проектов ЦРУ в области ракетных технологий. Еще пятнадцать лет назад, сразу после Второй мировой войны, именно он руководил секретной операцией американской разведки, получившей кодовое название «Скрепка». Десятки немецких ученых-ракетчиков в обстановке абсолютной секретности были перевезены в США. И именно благодаря ему в пустынном уголке тexasской равнины была основана маленькая секретная лаборатория, положившая начало космической программы США. Возглавил ее штурмбаннфюрер СС, он же главный конструктор знаменитой ракеты «Фау-2», профессор Вернер фон Браун.

— Они сбили самолет Пауэрса ракетой, — продолжил, вставая, Тоффрой. — К сожалению, господин президент, русские научились делать ракеты. Господин президент, я понимаю все политические последствия данного инцидента...

— Вы понимаете все последствия?! — вспыхнул Эйзенхауэр. — Сначала вы утверждали, что наш самолет-разведчик полностью уничтожен, и я с вашей подачи несколько дней врал всему миру, что это был метеорологический самолет... что его сбили кровавые русские. А теперь выясняется, что пилот жив, а обломки разведывательного самолета вместе со всем шпионским оборудованием выставлены на всеобщее обозрение в московском парке! И как я после этого выгляжу, нелепо повторяя, что ЦРУ проводило операцию, не поставив меня в известность?

— Я полностью признаю свою вину и готов понести заслуженное наказание, — склонил голову Тоффрой.

— Господин президент! — вмешался Даллес. — Я понимаю всю неприглядность этой ситуации и не снимаю ответственности за происшедшее ни с себя, ни с кого-либо из моих сотрудников, но я бы хотел сообщить информацию, которая носит чрезвычайно важный характер...

— Что может быть важнее дискредитации президента? — перебил его Эйзенхауэр.

Даллес молча подошел к Эйзенхауэру и протянул тоненькую бумажную папку, в уголке которой красовался гриф «Совершенно секретно». Бросив раздраженный взгляд на директора ЦРУ, президент раскрыл папку и пробежал глазами вложенный в нее документ.

— Это фотокопия секретного постановления Центрального комитета компартии Советского Союза

и их Совета министров, — прокомментировал Даллес. — Информация достоверная, получена от нашего человека в высших эшелонах КГБ.

Заголовок текста вспыхнул перед глазами Эйзенхауэра:

«О подготовке полета человека в космос»

Не поверив своим глазам, он перечитал документ, отложил его в сторону и вопросительно взглянул на Даллеса.

— Когда они планируют запуск?..

— Наш человек в КГБ, имеющий доступ к информации на самом высоком уровне, полагает, что русские смогут сделать это в течение года, — ответил Даллес.

— Технологически мы пока опережаем их, — вмешался Тоффрой, — но они могут...

Глаза Тоффроя встретились с жестким взглядом президента, и генерал осекся. В кабинете воцарилась пронзительная тишина.

— Первым в космосе должен быть гражданин Америки! — с металлом в голосе произнес Эйзенхауэр. — И вы оба лично отвечаете за то, чтобы русские аплодировали нашему астронавту с земли!

— Господин президент! — по-армейски отчеканил Даллес. — Можете не сомневаться, Советы нас не обгонят. Уже завтра мы приступаем к активной фазе операции «Обратный отсчет»!

* * *

В Вологодских лесах уже вторую неделю лил тягучий дождь. Заключенные колонии строгого режима, увязая в глинистой жиже, подтаскивали тяжелые

скользкие бревна к ржавой пилораме. Железные зубья с протяжным стоном вгрызались в древесину, с трудом разрывая разбухшие волокна. И, тщетно пытаясь заглушить стон древесной плоти, из репродуктора, прикрученного колючей проволокой к вышке с часовым, разносился над лагерем звонкий голос Гелены Великановой:

Ландыши! Ландыши!
Светлого мая привет.
Ландыши, ландыши —
Белый букет¹.

У пилорамы командовал Крамаренко — пожилой рецидивист, своим картавым говором и внешностью напоминавший Ленина.

— Грузи, грузи! — глотая букву «р», кричал он другим зекам, принимая бревна и загружая их на направляющие.

Подали очередное толстенное бревно. Крамаренко, надрывно крикнув, подхватил его и, тяжело дыша, стал подталкивать к вращающимся зубьям.

— Вж-ж-жи! — завизжала пила, всасывая в себя мясистый комель. Неожиданно нога Крамаренко скользнула по раскисшей глине, бревно спружило, сыграло, крученная сила подбросила деревяху вверх, и полетело оно прямо на растянувшегося в луже Крамаренко. Казалось, еще мгновение — и бревно обрушится всем весом на его седую голову. Но откуда ни возьмись распростерлись над Крамаренко чьи-то руки, подхватили бревно, оттащили в сторону.

¹«Ландыши» — популярная песня композитора Оскара Фельцмана на стихи Ольги Фадеевой (Кляйнер), написанная в 1958 году (источник — Википедия).

Ты сегодня мне принес
Не букет из алых роз... —

продолжала распевать из репродуктора Великанова.

Уже попрощавшийся с жизнью Крамаренко открыл глаза и увидел веселое лицо Олейникова — зека из второго отряда, который, широко улыбнувшись, подмигнул ему и подпел Великановой:

Ты сегодня мне принес
Не букет из алых роз...
А бутылочку «Столичную».
Заберемся в камыши,
Надеремся от души,
На хрена нам эти ландыши!

Визгливо взывший за железными воротами зоны автомобильный гудок оборвал песнь Олейникова. Вертухаи бросились отворять, из конторы выскочил начальник зоны и вприпрыжку побежал к воротам.

Во двор въехала темно-синяя «Победа», скрипнули тормоза, запахнулась дверца, и из автомобильного чрева появился высокий молодой офицер в форме майора госбезопасности.

— О, кино, наверное, привезли! — хохотнул Олейников, наблюдая, как начальник зоны подобострастно козыряет прибывшему майору.

Зеки заржали. Но тут ударила по ушам караульная сирена, залаяли псы, побежали автоматчики, на бегу выхрипывая команду «стро-о-ойсь!».

Подгоняемые прикладами, толкая друг друга, спотыкаясь и падая в грязь, зеки бросились строиться.

Майор оглядел строй заключенных, раскрыл бумажную папку, полистал и, легким движением головы подозвав начальника зоны, ткнул пальцем в список.

Тот кивнул и, набрав полные легкие воздуха, с усердием рывкнул:

— Заключенный Олейников! Два шага из строя!

Зачавкали в грязи кирзовые сапоги зеков, строй перед Олейниковым расступился, освобождая проход. Олейников прищурился, хитрая улыбка скользнула по его губам. Глянув на стоявшего рядом щупленького зека, он легонько подтолкнул его вперед и заговорщицки шепнул:

— Тебя!

Зек вздрогнул и испуганно завертел головой.

— А, нет, меня... — успокоил его Олейников. — Грамотой, наверное, награждать будут.

* * *

Из папирос майор Зорин признавал только «Казбек». Когда-то давно, еще учась на юридическом, он как лучший студент был направлен на практику к легендарному муровскому сыщику Владимиру Чанову. Чанов курил, курил много, и только «Казбек», неуловимым движением пальцев лихо заламывая мундштук. Зорин боготворил Чанова, стараясь во всем ему подражать: носил такой же обвислый пиджак (в складках можно было спрятать еще один пистолет) и пил такой же круто заваренный чай с кислыми дольками антоновки (мозг бодрит и витаминами питает!). Тогда же Зорин и закурил. Удовольствия он от этого не получал, только кашлял надрывно, но не соответствовать облику великого сыщика он не мог.

Вот и сейчас Зорин, глубоко затянувшись, сорвался на резкий, дерущий горло кашель. Дребезжащее эхо отразилось от крашенных отвратительной

масляной краской стен допросного кабинета. Отхлебнув из стакана горячий чай, Зорин рукой разогнал дым над головой и, восстановив сбившееся дыхание, поднял взгляд на стоявшего перед ним Олейникова.

— Садитесь, Петр Алексеевич, — хрипло сказал Зорин и показал рукой на прикрученный шурупами к полу металлический стул.

— Так я уже десять лет как сижу... — ухмыльнулся Олейников.

— Настроение, я вижу, у вас, Петр Алексеевич, хорошее. Значит, и разговор у нас получится правильный. Присаживайтесь.

«Прав был генерал Плужников, — подумал Зорин, наблюдая, как Олейников демонстративно смахивает невидимую пыль со стула, прежде чем сесть на него. — Вряд ли все пройдет гладко. Ну ничего, посмотрим, кто кого!»

Он взял в руки увесистую картонную папку с жирной надписью на обложке:

Уголовное дело № 38-4/59.

Олейников П. А.

Ст. 58-1а «Измена Родине».

Раскрыл ее и, делая вид, что внимательно вчитывается в страницы, задумался...

* * *

Зорину давно хотелось живой оперативной работы. Он и на юрфак пошел, начитавшись в детстве детективных романов. Рос Зорин без отца, мать его работала в библиотеке иностранной литературы, и Зорин

имел возможность читать на языке оригинала не только доступных всем Конан Дойля, Жоржа Сименона, Эдгара По и Агату Кристи, но и Эрла Гарднера, Мориса Леблана, Рекса Стаута и Питера Чейни. Часами вгрызаясь со словарем в хитросплетения сюжетов, Зорин представлял себя то частным сыщиком Ниро Вульфом, то комиссаром Мегрэ, то адвокатом Перри Мейсоном. Незаметно для себя он овладел английским и французским языками, стал читать юридическую литературу, увлекся римским правом. Легко сдал вступительные экзамены, блестяще учился, через год был избран секретарем комитета комсомола курса. Через два — вступил в партию. В 54-м Зорин окончил университет и, естественно, с красным дипломом. Ректор, выслушав просьбу Зорина направить его на работу следователем в уголовный розыск, покачал головой и назидательно сказал: «Вот какое дело, товарищ Зорин... Как ты знаешь, в ряды правоохранительных органов вместе с предателем Берией затесалось большое количество врагов трудового народа. Партия ставит задачу кардинально обновить личные составы органов внутренних дел — нужны грамотные, верные ленинским принципам товарищи, способные заняться подбором надежных, идейных сотрудников для нашей милиции. Поэтому принято решение направить тебя в центральный аппарат МВД, в управление кадров».

Пять лет — бумажки, кадровые листки, проверки, собеседования. Начальство быстро оценило исполнительность молодого сотрудника и завалило его работой, которую Зорин выполнял весьма скрупулезно и точно в срок, заполняя все документы ровным каллиграфическим почерком. Он быстро получил старлея, затем капитана, благодарности сыпались одна за